

Значение лингвокультурных кодов в российском дипломатическом дискурсе

Ю. И. Плахотная

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В условиях современных межгосударственных конфликтов дипломатия становится ключевым инструментом урегулирования противоречий, поэтому изучение дипломатического дискурса является чрезвычайно важным предметом современных междисциплинарных исследований. Дипломатический дискурс как институциональный вид дискурса призван защищать интересы государства и народа, и соответственно содержит специальную лексику, которая выражает культурные особенности и национальные ценности посредством лингвокультурных кодов. Цель исследования – изучить, какие глубинные культурные смыслы и исторические нарративы актуализируются при использовании лингвокультурных кодов в современном дипломатическом дискурсе. Задачи исследования: определить особенности дипломатического дискурса, изучить значения лингвокультурных кодов как особых лексических маркеров в дипломатической речи, определить их типы в российском дипломатическом дискурсе. Термин «лингвокультурный код» наиболее распространен и подробно разработан в рамках российской лингвокультурологии, а у зарубежных исследователей чаще встречаются коррелирующие понятия: «культурный код», «код» в семиотике, «культурные модели» и «когнитивные метафоры». В данной работе мы изучили лингвокультурные коды на материале стенограмм выступлений российских дипломатов и политиков (С. В. Лаврова, В. А. Небензи, М. В. Захаровой, В. В. Путина, Е. М. Примакова и Г. М. Гатилова) и выявили следующие типы лингвокультурных кодов: исторические, духовно-нравственные, религиозно-православные и цивилизационные, которые образуют сложную взаимопроникающую аксиологическую систему, репрезентирующую национальную картину мира. Мы изучили данные коды с точки зрения лингвокультурного, аксиологического, когнитивного и исторического аспектов и определили их три основные функции в дипломатическом дискурсе: семиотическую, когнитивную и прагматическую. Как показал дискурс-анализ и контент-анализ дипломатических речей, использование кодов позволяет российской дипломатии переводить дискуссию из правовой в морально-этическую плоскость, создавать нарратив о России как о «хранителе традиций» и эмоционально усиливать аргументы, делая их более устойчивыми к критике со стороны западных оппонентов. Исследование свидетельствует о том, что лингвокультурные коды выступают не стилистическими украшениями в дипломатической речи, а дискурсообразующими концептами и эффективной «мягкой силой» в защите национальных интересов.

Ключевые слова: дипломатия, дипломатический дискурс, лингвокультурный код, лингвокультурология, аксиологический анализ, когнитивная картина мира, российский дипломатический дискурс, «мягкая сила»

Для цитирования: Плахотная Ю. И. Значение лингвокультурных кодов в российском дипломатическом дискурсе // Филологические науки в МГИМО. 2026. 12(2). С. 112–128. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-112-128>

Research article

Significance of Linguistic and Cultural Codes in Russian Diplomatic Discourse

Yu. I. Plakhotnaya

St. Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

Abstract. In the context of modern interstate conflicts, diplomacy becomes a key tool for resolving contradictions, therefore, the study of diplomatic discourse is an extremely important subject of modern interdisciplinary research. Diplomatic discourse as an institutional type of discourse is called to protect the interests of the state and the people, and accordingly contains special vocabulary that expresses cultural characteristics and national values through linguistic and cultural codes. The purpose of the study is to investigate what deep cultural meanings and historical narratives are actualized when using linguocultural codes in modern diplomatic discourse. Research objectives: to determine the features of diplomatic discourse, to study the meanings of linguocultural codes as special lexical markers in diplomatic speech, to determine their types in Russian diplomatic discourse. The term “linguocultural code” is most common and developed in detail within the framework of Russian linguoculturology, and foreign researchers more often have correlating concepts: “cultural code”, “code” in semiotics, “cultural models” and “cognitive metaphors”. In this article, we have studied linguocultural codes on the material of transcripts of speeches by Russian diplomats and politicians (S. V. Lavrov, V. A. Nebenzya, M. V. Zakharova, V. V. Putin, E. M. Primakov and G. M. Gatilov) and identified the following types of linguocultural codes: historical, spiritual, moral, religious-Orthodox and civilizational, which form a complex, interpenetrating axiological system that represents the national worldview. We examined these codes in terms of linguocultural, axiological, cognitive and historical aspects and identified their three main functions in diplomatic discourse: semiotic, cognitive and pragmatic. As discourse analysis and content analysis of diplomatic speeches have shown, the use of codes allows Russian diplomacy to transfer the discussion from the legal to the moral and ethical plane, create a narrative about Russia as a «guardian of traditions» and emotionally strengthen arguments, making them more resistant to criticism from Western opponents. The study demonstrates that linguocultural codes are not stylistic decorations in diplomatic speech, but discourse-forming concepts and effective «soft power» in protecting national interests.

Keywords: diplomacy, diplomatic discourse, linguocultural code, linguoculturology, axiological analysis, conceptual worldview, Russian diplomatic discourse, «soft power»

For citation: Plakhotnaya, Yu. I. (2026). Znachenie lingvokul'turnykh kodov v rossiyskom diplomaticheskom diskurse [The significance of linguistic and cultural codes in Russian diplomatic discourse]. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 12(2), 112–128. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-112-128> (In Russian).

1. Введение

Современный период называют эпохой «кризиса международного порядка»¹. Чтобы описать современный миропорядок, придется перечислять все виды действующих и назревающих конфликтов, которые только возможны между государствами: военные, экономические, геополитические, ценностные, идеологические, религиозные, информационные, гибридные и другие. Любые конфликты отражают столкновение или противоречие между государствами по различным вопросам, которые так или иначе связаны с национальными интересами, а иногда с интересами отдельных личностей, партий или организаций. Эти конфликты могут быть решены с помощью дипломатии, которая призвана защищать интересы как отдельных граждан или представителей государства, которому она служит, так и целого народа. Соответственно назрела острая необходимость изучать дипломатию как сферу деятельности в различных научных аспектах: историческом, политологическом, экономическом, философском, аксиологическом, а также психологическом, культурологическом и лингвистическом.

Дж. Берридж рассматривает дипломатию как средство ведения международных дел посредством переговоров (Berridge, 2015), М. В. Беляков трактует ее как инструмент внешней политики государства (Беляков, 2011), Т. В. Бордачев считает дипломатию «искусством сглаживать противоречия» (Бордачев, 2022). Дипломатия как вид деятельности правительства, направленной на осуществление внешней политики государства, обладает своим особым типом дискурса. В лингвистической науке дипломатический дискурс рассматривают как вид политического дискурса (Беляков, 2010), (Терентий, 2010), (Зяблова, 2024). Е. И. Шейгал считает политический дискурс видом «речи, содержание которой относится к сфере политики» (Шейгал, 2005, с. 58).²

Тен ван Дейк анализирует политический дискурс в соотношении с концептами, обозначающими такие фундаментальные измерения, как «знание», «общество», «история» и «культура», чтобы более полно понять современные проблемы. По мнению ученого, дискурсы отличаются в зависимости от культуры стран, поэтому представители различных культур понимают и используют дискурсы в зависимости от их национальных обычаев и знаний (Ван Дейк, 2015, с. 34–35). Е. И. Шейгал отмечает такую специфику политического дискурса, как «постоянное акцентирование ценностей», которые «образуют концептуальную основу политического языка» (Шейгал, 2005, с. 58). «Акцентирование ценностей» также можно назвать характерной особенностью дипломатического дискурса, который предполагает защиту национальных интересов государства, а соответственно транслирует национально-культурные ценности, основанные на национальных знаниях и историческом опыте народа. Великий советский и российский политический деятель Евгений Максимович Примаков говорил, что взаимопонимание между государствами зависит от соотношения их ценностей и интересов, но не только от идентичного понимания общечеловеческих ценностей, но и от способов их достижения.³

Как отмечает М. В. Беляков, дипломатический дискурс имеет свои характерные особенности: высокий стиль речи, специальная дипломатическая лексика, дипломатические штампы, сложные синтаксические конструкции (Беляков, 2011, с. 62). А. С. Кожетева отмечает следующие конститутивные признаки дипломатического дискурса: специфические цели, стратегии и тактики, ценности, хронотоп и характеристики текстов (Кожетева, 2012, с. 58).

¹ Барабанов О. Н., Беспалов А., Бордачев Т. В., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Доктор Хаос, или Как перестать бояться и полюбить беспорядок. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2025. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/53295/> (дата обращения: 19.02.2026).

² Дипломатия // Большой толковый словарь русского языка. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=дипломатия&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=дипломатия&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 03.02.2026).

³ Примаков Е. М. Статьи, выступления. О будущем России. Выступление от 3 марта 2013 г. Сайт института развития социально-экономических проектов и инициатив. URL: <https://irsepi.ru/primakov/articles/> (дата обращения: 15.02.2026).

Основываясь на рассмотренных лингвистических концепциях, мы будем понимать дипломатический дискурс как коммуникативный способ достижения согласия и взаимопонимания в межличностном общении между представителями государств, с целью урегулирования межгосударственных конфликтов при соблюдении национальных интересов всех сторон.

По словам А. В. Торкунова, отечественная дипломатия является частью богатой российской культуры (Торкунов, 2015, с. 189). В России существует тесная связь между дипломатией и творческой деятельностью писателей, историков, переводчиков, таких как, например, сатирик и переводчик А. Д. Кантемир, поэт Ф. И. Тютчев, литераторы: А. С. Грибоедов, И. И. Хемницер, И. Ф. Богданович (Торкунов, 2015, с. 194) и другие дипломатические деятели, которые так или иначе были связаны с литературой. Поэтому использование лингвокультурных кодов характерно и исторически обусловлено в дипломатическом дискурсе.

2. Теоретические основания исследования

Изучая историю самого понятия «код», надо сказать, что впервые оно было использовано в математике и связано с шифрами и знаками, а также с процессами кодирования и декодирования⁴ (Маслова, 2018). В психолингвистике этот термин использовался Н. И. Жинкиным в изучении процессов мышления и речи (Жинкин, 1964). В отечественной науке понятие лингвокультурного кода подробно изучено в различных аспектах таких наук, как этнопсихолингвистика, культурология, лингвокультурология, когнитология, лингвистика. В. В. Красных определяет лингвокультурный код как когнитивный конструкт, репрезентирующий культурное пространство, как «совокупность культурно значимых» единиц разного языкового уровня, которые образуют индивидуальную и коллективную картину мира. Этот код «зашифрован» в языке и «считывается» его носителями (Красных, 2002). Г. Г. Слышкин считает лингвокультурный код «устойчивой совокупностью вербальных и невербальных знаков», которые выражают «культурные смыслы в рамках определенного типа дискурса» (Слышкин, 2004). О. О. Сподарец представляет культурный код как сложную комбинацию «вербальных и невербальных знаков, прецедентов, символов, стереотипов», которые возможно понять или декодировать лишь «при последовательной расшифровке их значений и смыслов» (Сподарец, 2016). С. А. Сукало сравнивает культурные коды со «стволовыми клетками» или «культурными генами», которые несут определенную информацию и выражаются в символических формах на уровне бессознательного (Сукало, 2015, с. 124–125). Как считает А. В. Бабаева, каждая культура имеет свой язык взаимосвязанных кодов, которые образуют символические тексты (Бабаева, 2022, с. 13). С. В. Иванова делает вывод о том, что «код культуры вмещает информацию о ценностях лингвокультурного сообщества» как «концептуальных системах внутри общего кода культуры», которые образуют некую структуру и находятся в определенном соотношении к окружающей действительности (Иванова, 2011, с. 32). По мнению В. А. Масловой, культурный код представляет собой «глубинное культурное пространство», «свод ценностей» или «совокупность реалий», выражающих культурные смыслы (Маслова, 2017, с. 493). Д. В. Ефременко говорит об «укорененных в культуре константах», которые важны не только для самовосприятия общества, но и для уточнения политического курса как внутри страны, так и в ее внешнеполитической деятельности. Отказ от этих констант влечет ценностный кризис в обществе (Ефременко, 2024).

Л. П. Морина считает культурный код «формой культурного инстинкта», образующего «глубинный уровень бессознательного» личности или этноса (Морина, 2022, с. 50). Культурный код является «имплицитным механизмом» культуры, состоящим из «тела культуры» (традиций, обычаев, языка и т. д.), и формируется на протяжении веков в социально-культурном опыте народа, в особенности в процессе переживания им критических событий, что способствует формированию национального характера, культурных стереотипов и мировоззрения, запечатленного в языке (Морина, 2022, с. 52).

⁴ Аршинов М. Н., Садовский Л. Е. Коды и математика (рассказы о кодировании). М.: Наука, 1983. 144 с.

В. И. Карасик рассуждает о «лингвокультурных ценностях» как «высших ориентирах поведения», которые «определяют содержание и специфику культуры в целом» (Карасик, 2022, с. 14). По мнению ученого, «лингвокультурные ценности» зафиксированы в значениях слов и фразеологических сочетаниях, в стандартных образцах поведения, в типичных обстоятельствах, а также в развитии сюжетов художественных произведений. В. И. Карасик определяет такие типы лингвокультурных ценностей, как общечеловеческие, цивилизационные, этнокультурные, социально-групповые и индивидуальные (Карасик, 2022, с. 15). По словам Л. А. Прониной, русский язык «является одновременно источником и хранилищем культурного кода нации» (Пронина, 2023, с. 1001), как и любой другой язык.

Таким образом, лингвокультурный код в понимании российских ученых – это особый «знак», запечатленный в языке и позволяющий носителям культуры адекватно понимать и интерпретировать глубинные смыслы, стоящие за словами, текстами и поведенческими актами. Изучение культурных кодов – ключ к пониманию «души» и менталитета народа.

Культурный код в зарубежной научной школе рассматривается в аспектах семиотики, структурно-антропологических исследований, когнитивного. Базил Бернштейн ввел понятие «социолингвистического кода» («sociolinguistic code»), различая «ограниченный код» («restricted code») и «развернутый код» («elaborated code»). Эти коды, усваиваемые через семейную социализацию, определяют речевое поведение и доступ к «символическим ресурсам культуры» (Bernstein, 2003). Джон Гамперц разрабатывал теорию социолингвистического и коммуникативного подходов. Ролан Барт обозначает «культурный код» как «referential code» («референциальный код»), который отсылает к «телу знания», общему фонду стереотипов, моральных норм и «научных истин данной культуры», позволяющих читателю понимать скрытые смыслы (Barthes, 2002). Джордж Лакофф и Марк Джонсон в теории «концептуальной метафоры» («conceptual metaphor») раскрывают, как базовые метафоры (например, «argument is war», «time is money») структурируют мышление и «являются глубинными кодами культуры, отражающимися в языке» (Lakoff, Johnson, 1980). Эдвард Холл ввел дихотомию «high-context culture» и «low-context culture» («высоко-контекстуальная культура» и «низко-контекстуальная культура»), что является описанием фундаментального культурного кода, определяющего, насколько информация эксплицитна в сообщении, а насколько скрыта в контексте и общих знаниях (Hall, 1976). Умберто Эко в труде «A Theory of Semiotics» понимает код как «корреляцию между означающим и означаемым», подчеркивая роль кодов восприятия, узнавания, иконических кодов, которые усваиваются в рамках определенной культуры и позволяют интерпретировать сообщения (Eco, 1979). Клод Леви-Стросс в своих структурно-антропологических исследованиях («Mythologiques») рассматривал мифы и культурные практики, как проявление глубинных ментальных кодов («codes mentaux»), универсальных структур человеческого разума, которые по-разному реализуются в конкретных культурах (Леви-Стросс, 2007). Анна Вежбицка в своих работах по «ключевым словам» («key words») и «культурным скриптам» («cultural scripts») фактически описывает элементы лингвокультурного кода. Она показывает, как через анализ центральных слов языка (например, русская «тоска», «душа» и английское «fairness», «privacy») можно выявить специфические культурные ценности и модели мышления (Wierzbicka, 1997), «контекстуализационных намеков» («contextualization cues») и «речевых кодов» («speech codes»), подчеркивая, что успешная межкультурная коммуникация зависит от способности распознавать и интерпретировать тонкие сигналы (интонацию, выбор слова, темп), которые являются частью культурного кода коммуникации (Gumperz, 1982). Гирт Хофстеде выявил «измерения культуры» («cultural dimensions»), которые можно считать «аналитическими кодами для дешифровки ценностных ориентаций», влияющих на поведение и коммуникацию (индивидуализм/коллективизм, дистанция власти и т. д.) (Hofstede, 2001).

Таким образом, в зарубежной лингвистике «культурный код» – это система знаков, которая позволяет декодировать сообщения, заложенные в текстах, метафорах, артефактах и поведенческих стереотипах. Рассмотрим лингвокультурные коды с точки зрения различных подходов. Американский политолог и специалист по международным отношениям, бывший помощник Министра обороны США и декан Гарвардской школы Кеннеди Джозеф Най предложил

понятие «soft power» («мягкая сила») для определения ситуаций, когда одна страна заставляет другие страны хотеть того, что хочет она. Дж. Най противопоставляет «мягкую силу» с применением «hard power» («жесткой силы»), когда одна страна приказывает другим делать то, что она хочет (Nye, 1990). Дипломатию, а значит и дипломатический дискурс можно считать такой «мягкой силой», с помощью которой можно «заставить» другую сторону в переговорах пойти на уступки или принять выгодное для обеих сторон решение. Поэтому, с точки зрения дискурсивных методик лингвокультурные коды, используемые в дипломатической речи, могут являться источником такой «силы», которая способна воздействовать на глубинные когнитивные конструкты в картине мира оппонента в дискурсе.

Рассматривая лингвокультурные коды в когнитивном аспекте, можно сказать, что они представляют собой концепты, отражающие национальные ценности, как ментальные репрезентации исторических событий, народных традиций и поведенческих стереотипов, определяющих характер и культуру народа, которые составляют основу национальной картины мира.

В когнитивно-семиотическом аспекте культурный код можно представить как знак. По словам Е. П. Каргаполова, такой знак – это результат «длительного кодирования культурной и социальной информации», которая скрыта от «непосвященных», именно она определяет развитие культуры народа, а знак (или код) другой культуры для него является чуждым или даже враждебным. Кодирование информации представляет собой «длительный процесс оформления кода» в виде знаков, символов, норм, артефактов, стереотипов и стандартов поведения. Эти знаки «закрепляются в национальном, этническом, религиозном сознании и опыте» и проявляются в разных формах, как на биологическом, так и на культурно-историческом и цивилизационном уровнях (Каргаполов, 2022, с. 29).

Если рассматривать культурные коды в историческом аспекте, то можно сказать, что именно история народа является тем катализатором культурных ценностей, который способствует развитию и трансформации этих ценностей в коллективном сознании и национальной картине мира. Приведем слова русского поэта и дипломата Ф. И. Тютчева, которые он написал в письме доктору Густаву Кольбу, редактору «Всеобщей газеты», рассуждая о значении России как империи: «Здесь не идет речь о дипломатии; слишком хорошо известно, что Россия, как никакая иная держава, всегда будет соблюдать заключенные ею договоры, пока существует теперешний порядок вещей. Но договоры и дипломатия в итоге упорядочивают лишь повседневные вопросы. Постоянные вопросы, вечные отношения может разрешить только история» (Тютчев, 2011). Можно сказать, что именно исторический контекст (например, такие события, как освободительные войны, восстания, революции, другие социальные и политические потрясения и кризисы) формирует характер народа, его мировоззрение и когнитивную картину мира, то есть те базовые концепты, которые выражают национально-исторические, культурные и цивилизационные ценности. В данной работе мы определяем исторические лингвокультурные коды как базовые коды культуры, которые складывались в процессе длительного становления народа как нации и как цивилизации с ее духовными, религиозными, экономическими и политическими особенностями.

Религиозные мировоззрения также изменяются под влиянием истории и формируют духовные и нравственные ценности народа. Религия выступает как основа любой культуры, православие же является основой русской культуры и «государствообразующей религией», так как оно способствовало утверждению государственности. В течение своей тысячелетней истории православие вырабатывало на вселенских соборах свои истины, которые формировали духовные и нравственные ценности и «самобытную цивилизацию»⁵. Эти истины и ценности теперь выражены в православно-религиозном и духовно-нравственном кодах нации, которые мы считаем основополагающими для русской культуры.

⁵ Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий. Православие как духовное основание русской культуры // Журнал «Международная жизнь». 2024. № 4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2985> (дата обращения: 19.02.2026).

В процессе исторического развития человечество формирует культуры и цивилизации, которые проходят периоды расцвета и кризиса. Такая динамика развития оттачивает культурные, социально-политические и экономические показатели общества, которое развивает свои цивилизационные ценности, выраженные в языковых единицах, в частности в цивилизационных кодах.

С опорой на изученные теории и аспекты, мы можем определить лингвокультурный код как сложную, многоуровневую знаковую систему, закрепленную в языке и коллективном сознании, которая формируется в процессе длительного исторического и цивилизационного развития народа. Лингвокультурный код содержит в себе глубинные смыслы, национальные ценности (духовные, религиозные, нравственные) и ментальные репрезентации ключевых событий, традиций и стереотипов поведения.

Несмотря на обширную теоретическую базу изучения лингвокультурных кодов в различных научных парадигмах, в научной литературе практически не рассматривался вопрос о том, каким образом лингвокультурные коды актуализируются в современном российском дипломатическом дискурсе. Данное исследование предлагает комплексный лингвокультурологический и дискурсивный анализ конкретных типов кодов (исторических, религиозных, цивилизационных) в российском дипломатическом дискурсе, что позволяет выявить глубинные смыслы и ценностные ориентиры, лежащие в основе современной отечественной дипломатической коммуникации.

3. Материал и методы

Анализ лингвокультурных кодов – это междисциплинарная задача, поэтому мы применяем в своем исследовании комплекс методов: дискурс-анализ, семантический и концептуальный анализ, лингвокультурологический анализ. Мы рассматриваем культурные коды не просто как слова из области культуры, но стоящие за ними концепты, как ментальные структуры, вокруг которых уже сформированы широкие семантические поля не только в индивидуальной концептосфере, но в когнитивной картине мира всего народа. Также мы используем аксиологический анализ, изучая лингвокультурные коды как ценности и смыслообразующие основания русской культуры, проясняя их общие понятия и значения в контексте дипломатической речи.

В данной работе мы исследуем лингвокультурные коды, которые репрезентируют не материальные ценности, а особые ментальные образования (концепты), объективированные в языке посредством культурных знаков, символов и стереотипов. Анализ коннотативных значений данных знаков позволяет декодировать глубинные смыслы, которые формируют структуру концепта и аккумулируют в себе национально-специфические ценности и исторический опыт народа.

Для анализа дипломатического дискурса мы провели контент-анализ, чтобы зафиксировать распределение ключевых тем в речи российских политиков. Что касается дискурс-анализа, то, по словам Т. ван Дейка, дискурс-анализ не является методом, но «областью научной практики, междисциплинарным проектом, распространенным во всех гуманитарных и социальных науках» (ван Дейк, 2015, с. 19). Поэтому, вслед за ученым, мы применяем термин «дискурсивные исследования», которые предполагают использование методов анализа и интерпретации данных. Дискурс-исследования, как и «критические дискурсивные исследования», которые изучают дискурс в его «злоупотреблении социальной властью», должны всегда учитывать культурный контекст участников дискурса и «степень влияния на дискурс кросс-культурного опыта современных обществ» (ван Дейк, 2015, с. 23–35). Поэтому мы провели дискурс-исследования дипломатических речей, учитывая культурно-исторический контекст.

Материалами для исследования послужили стенограммы выступлений российских дипломатов и постоянных представителей РФ при ООН и государственных деятелей: Г. М. Гатилова, В. А. Небензи, М. В. Захаровой, Е. М. Примакова, С. В. Лаврова, В. В. Путина. Стенограммы выступлений размещены на официальных сайтах МИД России, Кремля, Постоянного представительства Российской Федерации при ООН.

4. Результаты и обсуждение

Мы разделили лингвокультурные коды, употребляемые в речи дипломатов, на несколько категорий: исторические, духовно-нравственные, религиозно-православные и цивилизационные коды. При этом некоторые коды можно отнести одновременно к двум категориям. Рассмотрим наиболее яркие примеры.

1. Исторический код **«Великая держава»**. Использование этого кода в дипломатии требует от стран-адресатов отношения к России, как к равноправному игроку на мировой арене. В российской дипломатии наблюдается острая реакция на попытки принизить роль России и требование уважения к сфере ее интересов (на постсоветском пространстве). В речи дипломатов часто звучат отсылки к Ялтинской конференции 1945 года как к модели, в которой три великие державы договариваются о послевоенном мироустройстве. Советский и российский дипломат, политолог Всеволод Леонидович Олеандров считает, что тогда не существовало других сил, которые могли бы конкурировать с тремя державами-победительницами в военном и политическом отношении. Ялтинская конференция 1945 года продемонстрировала «блистательный успех дипломатии руководителей трех держав» в отношении рассмотрения итогов войны и создания ООН (Олеандров, 2010).

Д. В. Ефременко упоминает Леопольда фон Ранке, который первым сформулировал определение термина «великая держава» как государство, способное доказать свое превосходство в военном противоборстве за господство между несколькими сильными державами. Л. Ранке также указывает на такие важные аспекты «великодержавия», как осознание государством своей особой миссии и сплочение его народа для борьбы. По словам Д. В. Ефременко, дискуссию о «великих державах» продолжают Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм. М. Вебер приписывает «великой державе» такие черты, как сила, «политическая воля» и престиж, а Э. Дюркгейм отмечает ее «нравственное превосходство», «национальную гордость» и способность обеспечить благополучие общества (Ефременко, 2024). Россия как «Великая держава» соединяет в себе все эти качества, а именно силу, политическую волю, национальную гордость, осознание своей особой миссии, также способность отстаивать свои интересы, как на военном, так и на дипломатическом уровне.

В мире многие страны признают статус России как «великой державы». Малазийский политический аналитик и общественный деятель Лим Тек Гхи пишет в статье для издания «Eurasia Review», что «Россия вернула себе утраченный статус великой державы» за время конфликта на Украине. Как когда-то сказал Ф. И. Тютчев, «именно самые заклятые враги России с наибольшим успехом способствовали развитию ее величия» (Тютчев, 2011).⁶

2. Исторические коды **«Война»** и **«Победа»** используются в дипломатии для трактовки военных действий России через призму Второй мировой войны, для создания образа «наследников победителей фашизма» и защитников «исторической правды» и «исторической памяти». Для российской культуры эти два концепта «война» и «победа» неразрывно связаны в историческом контексте. Можно вспомнить освободительные войны, которые вела Россия против Ливонского Ордена в 13-16 веках, против монгольского ига в 13-15 вв., войны со Швецией, Польшей и Турцией в 16-18 веках, Отечественную войну с наполеоновской Францией в 19 веке, Отечественную войну с немецко-фашистской коалицией стран Европы и войны с Японией в 20 веке. В этих войнах Россия неизменно одерживала победы, которые стали воплощением народного мужества и массового патриотизма в борьбе против врагов, пришедших на Русь с целью грабежа, захвата земли и власти. **«Победа»** – мощный лингвокультурный код, означающий жертвенность, героизм и непобедимость, которые пронизывают весь исторический контекст борьбы России в освободительных войнах.

⁶ «Нет сомнений». СМИ сделали неожиданное заявление о России. РИА Новости. 28.04.2025. URL: <https://ria.ru/20250428/rossiya-2013942067.html> (дата обращения: 14.02.2026).

В своих выступлениях В. А. Небензя обосновывает необходимость извлечь уроки из истории, чтобы не допустить таких катастроф, как холокост и Вторая мировая война. Дипломат проводит связь текущих событий с сакральной для российской идентичности темой Великой Отечественной войны⁷. «**Борьба с фашизмом**» является основной целью борьбы России в современном мире и сам этот концепт становится культурно-историческим и патриотическим кодом российской картины мира.

Русский философ Николай Александрович Бердяев рассуждал о «великих благах» войны, которая пробуждает чувство национального единства, преодолевает внутренние распри, избличает ложь, «свергает фальшивые святыни», «выявляет лик» и «кует мужественный дух» России. Война – это «великая проявительница» (Бердяев, 2007). Продолжая рассуждения философа, можно сказать, что для России «война» является не только горем и трагедией, но и священным действием по освобождению от зла и насилия.

3. Исторический код «**Осажденная Крепость**». В дипломатии этот код проявляется в легитимизации жесткой внешней политики и противостояния как вынужденной оборонительной меры. Этот код используется для мобилизации внутренних сил и объяснения внешнему миру, почему Россия занимает такую позицию. Риторика о «расширении НАТО на восток» как о прямой угрозе безопасности России, которая вынуждена принимать ответные меры, постоянно прослеживается в речах российских политиков, а параллели со Второй мировой войной – главный инструмент в этом коде.

В современной ситуации «нападок» и многочисленных санкций, наложенных на Россию Западной коалицией, Россию можно сравнить с «Осажденной крепостью», которую пытаются изолировать от остального мира. Но о так называемой «изоляции» России Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров говорит, как о несостоявшейся. Свидетельством тому стало посещение представителями различных стран военного парада в Москве, посвященного 80-летию Победы в Великой Отечественной войне⁸.

4. Православно-цивилизационный код «**Традиционные ценности**» употребляется в дипломатическом дискурсе для противопоставления России, хранительницы «традиционных ценностей» («семья», «патриотизм»), «разлагающемуся» либеральному Западу с его «ценностями» (ЛГБТ⁹, «индивидуализм», «мультикультурализм»). В дипломатической риторике этот код используется для построения альянсов с консервативными силами в Европе, Азии и Африке. Это способ найти новых союзников и создать альтернативный полюс влияния, апеллируя не к , а к морали. Поэтому выступления российских дипломатов в ООН часто осуждают пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и защищают «традиционную семью». Так, постоянный представитель России Василий Алексеевич Небензя затрагивал тему «традиционных ценностей» в своем выступлении на заседании СБ ООН. Российский дипломат осуждал западно-европейские страны за то, что они превратили женщину в мужчину, а мужчину «в небинарную личность, во что-то среднеродное, а точнее – совсем безродное. А традиционные семьи сделали чем-то неприличным»¹⁰.

Согласно Указу Президента, «традиционные ценности» – это нравственные ориентиры, которые, передаваясь от поколения к поколению, формируют мировоззрение граждан и лежат в основе русской идентичности и единого культурного пространства. К числу «традиционных ценностей» относится 20 понятий, среди которых есть «милосердие», «справедливость», «историческая

⁷ Выступление Постоянного представителя России при ООН В. А. Небензи. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/general_assembly/2015341/ (дата обращения: 15.02.2026).

⁸ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2025 году. Москва, 20 января 2026 года. Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2073858/ (дата обращения: 12.02.2026).

⁹ Движение ЛГБТ признано экстремистской организацией и его деятельность запрещена в РФ.

¹⁰ Выступление Постоянного представителя России при ООН В. А. Небензи. Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 23 февраля 2023 г. URL: https://russiaun.ru/ru/news/230223_n (дата обращения: 14.02.2026).

память» и «крепкая семья». Как пишет Ю. В. Яковец в своем фундаментальном труде об истории мира цивилизаций, именно моногамная семья сохраняет и передает генотип цивилизаций следующим поколениям и является «основным институтом воспроизводства цивилизаций» (Яковец, 2021, с. 54–55). Россия сохраняет эту главную опору своей высокоразвитой цивилизации. Русская православная церковь также является хранительницей «семьи» как ценности православного общества. Поэтому мы относим этот код к православно-цивилизационным кодам.¹¹

С. В. Лавров в своем выступлении на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии назвал Россию «государством-цивилизацией» и отметил, что, после того, как «Россия начала осознавать свое место на международной арене», восстанавливать свою идентичность, уважать свою тысячелетнюю историю, традиции и принципы, то стала подвергаться нападкам со стороны западных политиков. Выступая от лица всей страны, министр иностранных дел заявил, что «Мы не будем отказываться от своих корней. Мы не имеем на это права. Мы чтим память предков и заветы, которые они нам оставили»¹². То есть для России соблюдение «традиционных ценностей», которые формировались веками, – это дело чести. Тогда этот код можно отнести еще и к духовно-нравственным кодам.

5. Цивилизационный код **«Суверенитет»** – это ключевой код для обоснования внешней политики России в защите ее соотечественников и исторических земель. «Суверенитет» трактуется в максимально широком, цивилизационном ключе, как право на особый путь, противостоящий западному влиянию. В своей речи на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2021 году С. В. Лавров заявил, что Президент РФ В. В. Путин особое внимание уделяет укреплению нашего суверенитета, который подвергается атаке со стороны Запада¹³. В. В. Путин в своем выступлении на заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 года, разъяснил, что «государственный суверенитет» – это вопрос свободного выбора своей судьбы для каждого человека, народа или государства¹⁴. По словам Президента, основы государства, национальное единство, общие ценности и устои являются главной опорой нашего суверенитета¹⁵. С. В. Лавров подтверждает позицию России по укреплению своего национального суверенитета, согласно внешнеполитическому курсу, закрепленному в Концепции внешнеполитической деятельности, одобренной Президентом России в марте 2023 года¹⁶.

Таким образом, составляющими лингвокультурного кода «Суверенитет» являются такие понятия, как «свобода выбора», «национальное единство» и «национальные ценности» государства.

6. Цивилизационно-нравственный код **«Родина»** используется как в обыденной речи в значении «места, где человек родился», так и в политической и дипломатической речи, особенно в торжественной обстановке. Это базовый код русской культуры, который включает в себя очень широкий круг других ценностей, выраженных через концепты: «любовь», «уважение», «отечество», «семья», поэтому его можно отнести к цивилизационным и духовно-нравственным кодам. Президент В. В. Путин объяснил, что «культурный код» России заключается в уважении и заботе

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 26.02.2026).

¹² Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2025 году. Москва, 20 января 2026 года. Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2073858/ (дата обращения: 12.02.2026).

¹³ Лавров назвал неприемлемыми для России атаки на ее суверенитет со стороны Запада. ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/13429715> (дата обращения: 18.02.2026).

¹⁴ 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Кремль. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/50385> (дата обращения: 15.02.2026).

¹⁵ Путин В. В. Доклад на заседании Совета по межнациональным отношениям. Сайт Кремля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78409> (дата обращения: 19.02.2026).

¹⁶ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2025 году. Москва, 20 января 2026 года. Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2073858/ (дата обращения: 15.02.2026).

к старшим, к родителям, к своей стране и к малой и большой Родине, в верности дружбе, в любви к своему Отечеству, что является «несущими конструкциями российской государственности»¹⁷. То есть культурный код «Родина» является не только образным, олицетворяя родную землю, страну, семью, но и деятельностным кодом, обозначая такие действия, как «любовь», «забота», «уважение».

7. Исторический и цивилизационно-нравственный код **«Патриотизм»** – это глубокий по содержанию концепт, который выражает различные ценности национальной культуры. Термин «патриотизм» трактуется как «любовь к отчизне, преданность своему отечеству, своему народу, выражающаяся в готовности отстаивать интересы Родины»¹⁸. Рассуждая об «истинном патриотизме», можно вспомнить слова из книги Н. Бердяева «Судьба России» о любви к своему народу как творческой любви, творческом инстинкте, менее всего означающим «вражду и ненависть к другим народам»¹⁹.

Концепт «патриотизм» тесно связан с таким понятием, как «единение» народа, который объединялся, чтобы защищать свою страну от захватчиков. В. В. Путин в своем выступлении на приеме по случаю Дня народного единства сказал, что в нашей истории есть «множество примеров такой непобедимой сплоченности», а «единство и патриотизм были для народа самой надежной опорой и в годы тяжелых испытаний, и при решении масштабных задач развития»²⁰. В историческом аспекте «патриотизм» рассматривается, как «массовый героизм» и «самопожертвование» народа при освобождении страны от иностранных захватчиков (например, Народное ополчение 1611–1612 гг. против поляков, захвативших Москву, сражения против наполеоновской армии в 1812 г., борьба против фашистской Германии и Японии в 1941–1945 гг.). «Патриотизм» как «любовь к своему Отечеству» проявляется не только на поле боя, но и в других видах деятельности: в создании литературных произведений (С. А. Есенина, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского), произведений изобразительного искусства (И. И. Левитана, И. И. Шишкина, В. М. Васнецова, И. Е. Репина), музыкальных произведений (П. И. Чайковского, М. И. Глинки, Н. А. Римского-Корсакова, С. В. Рахманинова), в которых воспеваются красота природы, особенности характера, быта и традиции русского народа. «Патриотизм» также проявляется в защите интересов своей страны на дипломатическом поприще и в разведке.

8. Духовно-нравственные коды **«Вера»** и **«Доверие»** – чрезвычайно важные концепты в русской картине мира. Концепт «Вера» имеет различные коннотации: «глубокая уверенность в истинности чего-либо», «религиозное мировоззрение», «доверие к кому-либо, основанное на убежденности в его честности, искренности»²¹. Лингвокультурные коды «Вера» и «Доверие» вписаны в русскую языковую картину мира, поэтому без них невозможно межличностное общение на официальном и неофициальном уровне. В русской культуре порицалась «ложь» и «предательство», как противоречащие «доверию» понятиям, в различных народных сказках и преданиях.

В дипломатической речи российских дипломатов концепты «Вера» и «Доверие» часто используются как синонимичные с целью критики оппонентов в их неискренности и за противоречивость их слов и действий. Обращаясь к представителям западных стран, членов Совета Безопасности ООН, В. А. Небензя заявил, что у России не осталось к ним никакого доверия «ни в отношении нерасширения НАТО на восток, ни о нежелании вмешиваться в наши внутренние дела, ни о стремлении жить в мире и добрососедстве»²². Концепты «вера» и «доверие» используются

¹⁷ Путин В. В. Прием по случаю Дня народного единства. Сайт Кремля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56002> (дата обращения: 16.02.2026).

¹⁸ Патриотизм // Большой толковый словарь русского языка. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=патриотизм&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=патриотизм&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 28.02.2026).

¹⁹ Бердяев Н. А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. 240 с.

²⁰ Путин В. В. Прием по случаю Дня народного единства. Сайт Кремля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56002> (дата обращения: 16.02.2026).

²¹ Вера // Большой толковый словарь русского языка. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=vera&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=vera&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 15.02.2026).

²² Небензя В. А. заявил, что у России не осталось никакого доверия заявлениям Запада. ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/17080479> (дата обращения: 15.02.2026).

как синонимы, относящиеся к моральной, а не просто к правовой сфере. Их «утрата» служит для обоснования действий России, поскольку «правила игры» со стороны партнеров были нарушены.

Постоянный представитель РФ при Отделении ООН в Женеве Г. М. Гатилов выступил на Конференции по разоружению и в обращении к Председателю констатировал, что страны «коллективного Запада» «продолжают стоять на позиции конфронтации с Россией» и реализовывать свои «узкогрупповые блоковые установки», не обращая внимания на мнение большинства стран, которые имеют взвешенные подходы к восстановлению атмосферы доверия и сотрудничества²³. То есть «Доверие» играет основополагающую роль в дипломатическом дискурсе в процессе переговоров России с другими странами.

9. Нравственный код **«Справедливость»** в дипломатии используется для представления России как страны, действующей из соображений здравого смысла. Комментируя принятие Генассамблеей резолюции по ситуации в Газе, В. А. Небензя подчеркнул, что «это не победа какой-то национальной позиции, это победа здравого смысла, справедливости и соображений гуманизма»²⁴. Российская позиция в отношении других стран построена на основе позиции «справедливости», то есть «равноправия» и «баланса интересов». Выступая на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2025 году, С. В. Лавров заявил, что Россия старается применять установленные нормы международного права, но главное для нее – это равноправие и взаимное уважение. Россия настаивает на равноправном диалоге и необходимости добиваться результатов, которые будут представлять собой «баланс интересов»²⁵.

В порядке реализации права на ответ на Конференции по разоружению Г. М. Гатилов заявил, что Россия выстраивает отношения добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества с государствами, «которые борются с гегемонией, неокOLONиализмом и неонацизмом, проводят независимую политику по защите своих национальных интересов и суверенитета в соответствии с принципами ООН и нормами международного права»²⁶.

Объясняя позицию России, российские дипломаты часто говорят о «справедливости», «нравственном выборе», о том, что Россия не может поступить иначе, идя против «своей совести». «Справедливость» и «совесть» – коды, выводящие дискуссию из плоскости международного права в плоскость морально-этического долга, что трудно оспорить рациональными аргументами. Так, в своих выступлениях дипломат, чрезвычайный и полномочный посол, представитель МИД России Мария Захарова часто апеллируют к нравственному коду «совесть»²⁷.

Таким образом, проанализировав содержание кода «Справедливость» в речи дипломатов, можно сказать, что этот концепт тесно связан с такими понятиями, как «совесть», «равноправие», «баланс интересов», «взаимовыгодное сотрудничество» и «добрососедство».

10. Цивилизационный код **«Демократия»** широко используется в речи как западноевропейских, так и российских политиков и дипломатов, но смысл в него вкладывается разный. «Демократия» не является национальным или историческим кодом для русской культуры, это достижение

²³ Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве Г. М. Гатилова в рамках Сегмента высокого уровня Конференции по разоружению в порядке реализации права на ответ, 26 февраля 2025 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/vystupleniya_zayavleniya/2000509/ (дата обращения: 25.02.2026).

²⁴ Выступление Постоянного представителя В. А. Небензи по мотивам голосования по иорданскому проекту резолюции ГА ООН «Защита гражданского населения и отстаивание правовых и гуманитарных обязательств». Сайт Постоянного представительства Российской Федерации при ООН. URL: https://russia.un.org/ru/news/unga_271023 (дата обращения: 15.02.2026).

²⁵ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2025 году. Москва, 20 января 2026 года. Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2073858/ (дата обращения: 15.02.2026).

²⁶ Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве Г. М. Гатилова в рамках Сегмента высокого уровня Конференции по разоружению в порядке реализации права на ответ, 26 февраля 2025 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/vystupleniya_zayavleniya/2000509/ (дата обращения: 25.02.2026).

²⁷ Захарова М. В. Брифинг официального представителя МИД России. Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/2082989/ (дата обращения: 27.02.2026).

западной цивилизации. Однако «демократия» также стала показателем уровня цивилизационного развития для других государств, но для каждого государства это свой уровень, поэтому каждый понимает ее по-разному.

Е. М. Примаков говорил, что Соединенные Штаты навязывают свои «демократические ценности» другим странам, в то время как Россия считает демократию категорией, «характеризующей внутренний эволюционный процесс различных стран с учетом их исторических, цивилизационных и социально-экономических особенностей»²⁸.

В речах западных дипломатов на международных площадках использование лингвокультурных кодов, как правило, носит совершенно иной характер. Их употребление в западноевропейском и американском дипломатическом дискурсе встречается реже и почти никогда для описания собственной государственной политики как производной от «духовно-нравственной миссии». Патриарх американских международных отношений Г. Киссинджер писал: «Американские руководители весьма часто трактовали свои ценности как нечто само собой разумеющееся, они редко осознавали, до какой степени эти ценности могут быть революционными и разрушающими привычный ход вещей для других» (Киссинджер, 2018).

Рассматриваемые нами коды выступают репрезентациями глубинных слоев коллективного сознания и актуализируют ключевые смыслы национальной картины мира. Лингвокультурные коды «великая держава», «осажденная крепость», «справедливость» выступают репрезентациями коллективных представлений о власти и национальной идентичности. Такие коды, как «патриотизм», «традиционные ценности», «справедливость» репрезентируют ключевые смыслы русской языковой картины мира. Эти коды из абстрактных понятий превращаются в инструмент формирования картины мира, часто приобретая оценочность и мифологизированность. Коды «осажденная крепость» и «война» – это не просто ценности, а метафорические модели (или фреймы), которые задают способ интерпретации реальности.

Таким образом, изученные нами культурные коды, функционирующие в дипломатическом дискурсе, не существуют изолированно, а образуют сложную систему взаимопроникающих смыслов. Отнесенные к исторической, духовно-нравственной, религиозно-православной и цивилизационной категориям, они формируют единую аксиологическую (ценностную) систему, которая является неотъемлемой частью национальной картины мира, базирующейся на историческом опыте, культурных традициях и духовных основах народа.

На основании проведенного анализа лингвокультурных кодов, можно сделать вывод, что их использование в дипломатическом дискурсе – систематическая практика, которая позволяет:

- Вести дискурс в морально-этической, а не только правовой плоскости. Апеллировать к аудитории, укрепляя легитимность действий.
- Создавать нарратив о России как о «хранительнице традиций» и «последнем бастионе» против морального упадка, инициированного Западом.
- Эмоционально заряжать свои аргументы, делая их более устойчивыми к фактологической критике в глазах определенной аудитории.

Использование лингвокультурных кодов – ключевой лексический элемент нарратива российской дипломатии, особенно в контексте ценностного противостояния с Западом. Эти концепты служат для построения особой «символической реальности», апеллирующей к истории, культуре, национальной идентичности и «традиционным ценностям» русского народа. В официальном межгосударственном общении используемые коды символичны и часто связаны не только с историей и культурой, но и семиотикой власти и международными отношениями.

Лингвокультурные коды выполняют в дипломатическом дискурсе три основные функции:

1. Семиотическую: коды выступают как особые «знаки» (в виде концептов, символов, метафор, артефактов), которые позволяют носителям культуры адекватно кодировать, декодировать и интерпретировать информацию, скрытую от «непосвященных» представителей иных культур.

²⁸ Примаков Е. М. Незыблемый суверенитет. Статьи, выступления. Институт развития социально-экономических проектов и инициатив. URL: <https://irsepi.ru/primakov/articles/> (дата обращения: 20.02.2026).

2. Когнитивную: коды являются основой национальной картины мира, отражая «душу» и менталитет народа. Опираясь этими кодами, можно получить ключ к пониманию фундаментальных основ мировоззрения этноса или нации.

3. Прагматическую: лингвокультурные коды обретают особую «силу», позволяя воздействовать на глубинные когнитивные структуры оппонента, активируя в его сознании значимые для данной культуры смыслы и ценности.

Таким образом, лингвокультурный код можно рассматривать как результат длительного процесса кодирования культурной, исторической и социальной информации, который служит инструментом сохранения идентичности, трансляции традиций и межкультурной коммуникации (как понимания, так и противостояния).

5. Заключение

Лингвокультурные коды можно назвать дискурсообразующими концептами, так как они являются основой передачи национально-исторических и культурных смыслов, которые выражают характер и «дух» народа и обладают той «мягкой силой», которая способна воздействовать на адресатов дипломатического дискурса, призванного защищать интересы государства и народа.

Использование нравственных лингвокультурных кодов в дипломатической речи – систематическая практика российских политиков, которая позволяет вести дискурс в морально-этической, а не только правовой плоскости, укрепляя легитимность действий России в международных отношениях. Нравственные коды помогают дипломатам создавать нарратив о России как о «хранителе традиций», эмоционально заряжать свои аргументы, делая их более устойчивыми к критике Запада. Духовно-нравственные коды выводят дискуссию из плоскости международного права в плоскость эмоционально-этического долга, что трудно оспорить рациональными аргументами. Духовные коды используются для эмоциональной окраски, представления России как стороны, действующей исходя из «высших», не прагматичных соображений. Православно-религиозные коды используются для противопоставления «консервативной, духовной России» «либеральному, бездуховному Западу», особенно в вопросах семьи и религии. Православие выступает не как конфессия, а как цивилизационный маркер и источник морального авторитета. Значение этих кодов и их использование в дипломатическом дискурсе требует дальнейшего внимательного изучения.

Говоря о дипломатии, нельзя не привести высказывание официального представителя МИД России Марии Захаровой из ее интервью, в котором она отвечала на вопрос, есть ли надежда на дипломатию в современном мире. М. Захарова сказала, что дипломатия – это «не просто набор инструментов», которым пользуется дипломат, а это «служение Родине, Отчизне и своему народу», поэтому надежда есть²⁹. Продолжая эти рассуждения, можно сказать, что лингвокультурные коды можно считать важным элементом в «наборе инструментов», который способен реализовать эту надежду.

© Ю. И. Плахотная, 2026

²⁹ Ахмедова М. Интервью с М. Захаровой // Информационное агентство «Регнум». URL: <https://regnum.ru/article/3892509> (дата обращения: 27.02.2026).

Список литературы

- Бабаева А. В. Двудликий Янус социокультурной кодификации // *Studia Culturae*. 2022. № 2 (52). С. 9–20. DOI: 10.31312/2310-1245-2022-52-9-20
- Беляков М. В. Дипломатический дискурс как вид политического дискурса // *Филологические науки в МГИМО*. 2010. № 41. С. 19–26.
- Беляков М. В. Семантико-семиотические аспекты дипломатического дискурса // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2011. № 1. С. 59–66.
- Бердяев Н. А. Судьба России. М.: ЛитРес, 2007. 202 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006573682> (дата обращения: 12.02.2026).
- Бордачев Т. В. Дипломатия после процедуры // *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20. № 2. С. 114–131. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-2-114-131.
- Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. 2-е изд. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 352 с.
- Ефременко Д. В. Истоки российского великодержавия // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22. № 6. С. 52–73. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-6-52-73
- Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // *Вопросы языкознания*. 1964. № 6. С. 26–38.
- Зяблова О. А. Институционально-дискурсивные характеристики дипломатического и политического дискурсов: общие замечания // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2024. № 8 (146). С. 1–5. DOI: 10.60797/IRJ.2024.146.80.
- Иванова С. В. Политический дискурс и культурное кодирование: детонирование культурных кодов // *Политическая лингвистика*. 2011. № 2 (36). С. 31–37.
- Карасик В. И. Щедрость как ценность русской лингвокультуры // *Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик [и др.]. М.: Ярославль: Канцлер, 2022. 390 с. С. 14–39.*
- Каргаполов Е. П. Культурный и цивилизационный коды: актуальные вопросы теории // *Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки*. 2022. Вып. 63. № 2 (460). С. 27–35.
- Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. В. Верченко. М.: AST Publishers, 2018. URL: https://4etalka.ru/nauka_obrazovanie/gosudarstvo_i_pravo/511812/fulltext.htm (дата обращения: 25.02.2026).
- Кожетева А. С. Дипломатический дискурс как особый вид институционального дискурса // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*. 2012. № 17. С. 54–63.
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
- Леви-Строс К. Мифологии: от меда к пеплу / Пер. с фр. Н. Б. Маньковской. М.: FreeFly, 2007. 438 с.
- Маслова В. А. Духовный код и его роль на пути единения восточных славян // *Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте — V: сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. Могилев, 2018. С. 491–499.*
- Морина Л. П. Культурный код как дискурсивный феномен // *Studia Culturae*. 2022. № 2 (52). С. 49–60. DOI: 10.31312/2310-1245-2022-52-49-60
- Олеандров В. Л. Ялта, февраль, 1945 год: начало нового мира? // *Международная жизнь*. 2010. № 2. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/189> (дата обращения: 15.02.2026).
- Пронина Л. А., Щербак А. С. «Мягкая сила» русского языка: культурологический аспект // *Неофилология*. 2023. Т. 9. № 4. С. 999–1008. DOI: 10.20310/2587-6953-2023-9-4-998-1008.
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 339 с.
- Сподарец О. О. Взаимодействие культурных кодов в современной политической коммуникации // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 6 (60). Ч. 2. С. 157–161.
- Сукало С. А. Механизмы и символические практики сохранения и трансляции культурных кодов в российском политическом пространстве // *Вестник СПбГУКИ*. 2015. № 2 (23). С. 124–128.
- Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2010. № 1 (22). С. 47–56.
- Торкунов А. В. По дороге в будущее-2 / отв. ред. А. В. Мальгин. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2015. 552 с.
- Тютчев Ф. И. Россия и Запад / сост., вступ. статья, пер. и коммент. Б. Н. Тарасова; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 592 с.
- Шейгал Е. И. Проблемы анализа политического дискурса // *Русский язык в современном обществе: функциональные и статусные характеристики: сб. обзоров / отв. ред. Е. О. Опарина, Е. А. Казак. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 51–70.*
- Яковец Ю. В. Новая парадигма теории, истории и будущего мира цивилизаций. М.: МИСК — ИНЭС, 2021. 564 с.
- Barthes R. S/Z. Oxford: Blackwell, 2002. 271 p.
- Berridge G. R. Diplomacy: Theory and Practice. London: Palgrave Macmillan, 2015. 296 p. DOI: 10.1057/9781137445520.
- Bernstein B. Class, Codes and Control: Theoretical Studies towards a Sociology of Language. London: Routledge & Kegan Paul, 2003. 212 p.
- Eco U. A Theory of Semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1979.
- Gumperz J. J. Discourse Strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 240 p.
- Hall E. T. Beyond Culture. New York: Doubleday, 1976. 299 p.
- Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. Thousand Oaks: SAGE, 2001. 596 p.

- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Nye J. S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics // *Foreign Policy*. 1990. No. 80. P. 153–171.
- Wierzbicka A. *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York: Oxford University Press, 1997.
- Wierzbicka A. *English: Meaning and Culture*. New York: Oxford University Press, 2006. 368 p.

References

- Babaeva, A. V. (2022). Dvulikiy Yanus Sotsiokul'turnoy kodifikatsii [Two-faced Janus of socio-cultural codification]. *Studia Culturae*, (52), 9–20. <https://doi.org/10.31312/2310-1245-2022-52-9-20> (In Russian)
- Barthes, R. (2002). *S/Z*. Blackwell.
- Beliaikov, M. V. (2010). Diplomaticeskii diskurs kak vid politicheskogo diskursa [Diplomatic discourse as a type of political discourse]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, (41), 19–26. (In Russian)
- Beliaikov, M. V. (2011). Semantiko-semioticheskie aspekty diplomaticheskogo diskursa [Semantic-semiotic aspects of diplomatic discourse]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, (1), 59–66. (In Russian)
- Berdiaev, N. A. (2007). *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. LitRes. <https://search.rsl.ru/ru/record/01006573682> (In Russian)
- Berridge, G. R. (2015). *Diplomacy: Theory and practice*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137445520>
- Bernstein, B. (2003). *Class, codes and control: Theoretical studies towards a sociology of language*. Routledge & Kegan Paul. <https://doi.org/10.4324/9780203014035>
- Bordachev, T. V. (2022). Diplomatiya posle protsedury [Diplomacy after the procedure]. *Rossiya v global'noy politike*, 20(2), 114–131. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-2-114-131> (In Russian)
- Eco, U. (1979). *A theory of semiotics*. Indiana University Press.
- Efremenko, D. V. (2024). Istoki rossiiskogo velikoderzhavya [The origins of Russian great power]. *Rossiya v global'noy politike*, 22(6), 52–73. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-6-52-73> (In Russian)
- Gumperz, J. J. (1982). *Discourse strategies*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511611834>
- Hall, E. T. (1976). *Beyond culture*. Doubleday.
- Hofstede, G. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. SAGE.
- Ivanova, S. V. (2011). Politicheskii diskurs i kul'turnoe kodirovanie: detonirovanie kul'turnykh kodov [Political discourse and cultural coding: Detonation of cultural codes]. *Politicheskaya lingvistika*, (36), 31–37. (In Russian)
- Karasik, V. I. (2022). Shchedrost' kak tsennost' russkoy lingvokul'tury [Generosity as a value of Russian linguistic culture]. In M. S. Milovanova et al. (Eds.), *Obshchaya i russkaya lingvokul'turologiya: kollektivnaya monografiya* [General and Russian linguoculturology: Collective monograph] (pp. 14–39). Kantsler. (In Russian)
- Kargapolov, E. P. (2022). Kul'turnyy i tsivilizatsionnyy kody: aktual'nye voprosy teorii [Cultural and civilizational codes: Current issues of theory]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofskie nauki*, 2(460), 27–35. (In Russian)
- Kissinger, H. A. (1994). *Diplomacy*. Simon & Schuster.
- Kozheteva, A. S. (2012). Diplomaticeskii diskurs kak osobyy vid institutsional'nogo diskursa [Diplomatic discourse as a special type of institutional discourse]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*, (17), 54–63. (In Russian)
- Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsiy* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: Course of lectures]. ITDGK Gnozis. (In Russian)
- Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226470993.001.0001>
- Lévi-Strauss, C. (1973). *From honey to ashes: Introduction to a science of mythology* (J. Weightman & D. Weightman, Trans.). Harper & Row.
- Maslova, V. A. (2018). Dukhovnyy kod i yego rol' na puti yedineniya vostochnykh slavyan [Spiritual code and its role on the path of unity of the Eastern Slavs]. In E. E. Ivanov (Ed.), *Vostochnoslavyanskii yazyki i literatury v yevropeyskom kontekste — V* (pp. 491–499). (In Russian)
- Morina, L. P. (2022). Kul'turnyy kod kak diskursivnyy fenomen [Cultural code as a discursive phenomenon]. *Studia Culturae*, (52), 49–60. <https://doi.org/10.31312/2310-1245-2022-52-49-60> (In Russian)
- Nye, J. S., Jr. (1990). Soft power: The means to success in world politics. *Foreign Policy*, (80), 153–171. <https://doi.org/10.2307/1148580>
- Oleandrov, V. L. (2010). Yalta, fevral', 1945 god: nachalo novogo mira? [Yalta, February 1945: The beginning of a new world?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, (2). <https://interaffairs.ru/jauthor/material/189> (In Russian)
- Pronina, L. A., Shcherbak, A. S. (2023). "Myagkaya sila" russkogo yazyka: kul'turologicheskii aspekt ["Soft power" of the Russian language: Cultural aspect]. *Neofilologiya*, 9(4), 999–1008. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-4-998-1008> (In Russian)
- Sheigal, E. I. (2005). Problemy analiza politicheskogo diskursa [Problems of analyzing political discourse]. In E. O. Oparina & E. A. Kazak (Eds.), *Russkiy yazyk v sovremennom obshchestve: funktsional'nye i statusnye kharakteristiki: sb. obzorov* [Russian language in modern society] (pp. [не указаны]). INION RAN. (pp. 51–70). (In Russian)
- Slyshkin, G. G. (2004). *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: monografiya* [Linguocultural concepts and metaconcepts: Monograph]. Peremena. (In Russian)
- Spodarets, O. O. (2016). Vzaimodeistvie kul'turnykh kodov v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Interaction of cultural codes in modern political communication]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, (60), 157–161. (In Russian)

Sukalo, S. A. (2015). Mekhanizmy i simvolicheskie praktiki sokhraneniya i translyatsii kul'turnykh kodov v rossiyskom politicheskom prostranstve [Mechanisms and symbolic practices of preserving and broadcasting cultural codes in the Russian political space]. *Vestnik SPbGUKI*, (23), 124–128. (In Russian)

Terentiy, L. M. (2010). Diplomaticheskiy diskurs kak osobaya forma politicheskoy kommunikatsii [Diplomatic discourse as a special form of political communication]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, (22), 47–56. (In Russian)

Torkunov, A. V. (2015). *Po doroge v budushchee-2* [On the way to the future-2] (A. V. Mal'gin, Ed.; 2nd ed.). Aspekt Press. (In Russian)

Tyutchev, F. I. (2011). *Rossiya i Zapad* [Russia and the West] (B. N. Tarasov, Ed. & Trans.). Institut russkoi tsivilizatsii. (In Russian)

Van Dijk, T. A. (2008). *Discourse and power*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-1-137-07299-3>

Wierzbicka, A. (1997). *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195174748.001.0001>

Wierzbicka, A. (2006). *English: Meaning and culture*. Oxford University Press.

Yakovets, Yu. V. (2021). *Novaya paradigma teorii, istorii i budushchego mira tsivilizatsii: fundamental'naya monografiya* [New paradigm of the theory, history and future of the world of civilizations: Fundamental monograph]. MISK — INES. (In Russian)

Zhinkin, N. I. (1964). O kodovykh perekhodakh vo vnutrenney rechi [On code transitions in internal speech]. *Voprosy yazykoznanija*, (6), 26–38. (In Russian)

Ziablova, O. A. (2024). Institutsional'no-diskursivnye kharakteristiki diplomaticheskogo i politicheskogo diskursov: obshchie zamechaniya [Institutional and discursive characteristics of diplomatic and political discourses: General comments]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, (146), 1–5. <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.146.80> (In Russian)

Сведения об авторе:

Плахотная Юлия Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, филологии и искусств Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, политическая лингвистика, психолингвистика, прагматика, теория и практика межкультурной коммуникации. E-mail: pl-julia@mail.ru.

ORCID ID: 0000-0003-3500-8769

About the Author:

Yulia I. Plakhotnaya is Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism, Philology and Arts of Higher School of Journalism and Mass Communications of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). Spheres of research and professional interests: cognitive linguistics, political linguistics, psycholinguistics, pragmatics, theory and practice of intercultural communication.

E-mail: pl-julia@mail.ru.

ORCID ID: 0000-0003-3500-8769

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that they have no conflict of interest.

* * *